

Вл.И.Немирович-Данченко:

“А политика никак не налаживается”

[16 июля 1917]

Дорогой Василий Васильевич! Долго не отвечал Вам на Ваш запрос: план.

Говорят, управлять значит предвидеть. Едва ли в течение дня моего встретится час, — читаю ли я, гуляю ли, — когда я не думал бы о предстоящих событиях и не пытался бы прозреть в будущее. Но сейчас все несет с такой внезапностью, с такой силой, неожиданностью, изменчивостью, что не только теперь, за два месяца, а я думаю, и за две недели нельзя будет установить сколько-нибудь ясный план сезона.

В конце концов не стоит и гадать. Но Театр должен быть готов для принятия того, другого или третьего решения.

Может быть, будет не только возможно, но и необходимо открыть сезон даже не в половине сентября, а еще раньше. А может быть, нельзя будет и до конца октября.

Может быть, новая постановка станет важнейшей необходимостью. А может быть, и еще целый сезон в ней не будет настоящей потребности.

Может быть, спектакли параллельные у Зимина ли, где-либо в другом месте, — потребуются в первую очередь, даже раньше, чем мы откроем свой сезон. А может быть, мы, по-прежнему, замкнемся в своем Театре и откажемся от параллельных спектаклей. А может быть, придется играть только в каких-то интимных помещениях, а Театр будет закрыт.

Ожидать ли благоприятного для Театра времени, как мы поступили в первую осень войны, начав сезон 27 октября? Или пользоваться первой же возможностью, как в 1915 году?

Действовать ли под гнетом 900-

тысячного бюджета или впереди всего охранять достоинство своего искусства, с верой в будущее рисковать?

Как пойдут события на войне? Как отразятся новые призывы на нашем составе? Как будет реагировать Москва?

Как развернется наша внутренняя политика? В какую сторону сплотится кадетская партия? Что это будет за Учредительное собрание и будет ли оно? Не расширится ли натиск к диктатуре? И к какой диктатуре? Во что выльется большевизм? Замрет ли анархизм? Солдатская вакханалия. Разыгравшиеся аппетиты рабочих классов. Забастовки.

Куда пойдет продовольственная разруха? Реквизиции помещений. Топливо, хлеб и сахар. Дождь денежных бумаг. Будет ли пир во время чумы, или люди съедятся сдержанностью капиталистов?

Война, политика, продовольствие...

И какую роль в гражданской жизни играют театры, искусство, деятели его. Что мы из себя представляем, хорошо оплачиваемые таланты: буржуазию или счастливых пролетариев? Или менестрели, слуги граждан и сеньорий? Жонглеры, жакюлотеры, кормящиеся подачками всех, кто нас желает слушать. Считаются ли с нами политические партии? Или, восхищаясь нами в дни праздничные, в часы забав, считают нас в качестве граждан *quantite negligible*?

Артисты, таланты, носители благороднейших идей, высокая духовная культура, жрецы, вдохновение, храм... Сколько возвышенных комплиментов надавало нам человечество! И оно же: актеры, кривляки, Шмаги, балаганщики, слуги плателщиков, развлекатели купеческих и аристократических домов, замаскированные жулики, музыкантский стол...

Да и сами мы, кем себя считаем? До сих пор скромно держались в

сторонке. Но скоро нас спросят: неужели ваша душа не переполнилась? Кого вы теперь хотите забавлять? Забронировавшихся в тылу? Или вообще всякую господствующую партию. Что мы ответим? Что мы рыцари-трубадуры, гордые в своих лохмотьях? Где тот пафос, который понадобится для такого ответа? Найдется ли у нас кто-нибудь, достойный старого носка Керенского? Или скажем искренно: мы простые ремесленники изящных безделушек; наш цех, как это ни грустно для нашего артистического величия, — тот же, что и у Фаберже, Хлебникова, Абрикосова, Скурятникова, Деллоса; мы работаем на тех, кто нам больше платит, независимо от его политических или моральных качеств, но даже — что там церемониться — от патриотизма: англичанин так англичанин, а немец так немец.

Кто мы? А в зависимости от ответа решается и линия нашего поведения в то время, когда Россия так стремительно катится под гору. Как работать, чтобы оправдать работу? События несутся, несутся... Я не дописал этого письма, а известия все новые...

Я у себя в книжке записал с месяца назад, что, по-моему, Москве придется играть первенствующую роль. И очень недолго этого ждать... Сегодня (16 июля) мне кажется, что это будет даже скорее, чем я думал...

Кто это устраивает "Союз свободы и порядка"? В ближайшем времени это станет общим лозунгом.

Итак, для нас с Вами сейчас ясно только то, что все неясно и не стоит гадать.

Надо быть готовым ко всему. А

для этого главное — распределение работ на первое время в порядке их важности. Мое мнение относительно того, что важнее, прикладываю при сем. Исхожу из следующих соображений планов:

1. Быть на высоте искусства. Подчеркнуть идейность Художественного театра. Считать, что Художественный театр не может быть не-идейным в такую пору. Поднять его знамя. Определенно, ярко, убедительно.

В таком случае открытие сезона "Розой и Крестом". Перевалив нашу годовщину, то есть во второй половине октября. Рискуя (и веря), что убытки возвратятся с лихвой.

Репертуар строжайший: "Вишневый сад", "Три сестры", "Синяя птица" (и по вечерам?), "Горе от ума", Пушкин. На втором месте — "На дне", Тургенев, "Смерть Пазухина", "Мудрец". Остальное третий план. "Федор" под большим вопросом. "У жизни в лапах" отсутствует.

Это наиболее красиво и благородно. Это то, чем мы были прежде, тот путь, который вел нас по пути славы.

2. Также открытие сезона новинкой, то есть тоже со знаменем, причем, однако, это знамя несколько иного цвета и подержанное.

"Село Степанчиково". В середине сентября. А если Станиславский, то и раньше. Если Станиславский, то не задержится "Роза и Крест" (половина ноября). Если Массалитинов, то может быть вторая постановка "Чайка", а третья "Роза и Крест". Вообще, тут дело несколько путанное.

Репертуар тоже строгий.

3. Художественный театр держать закрытым до того, что можно будет поднять знамя, а до тех пор играть на стороне, начиная с Театра Совета СРД. Играть на стороне, чтобы приработать, а в Театре энергично готовить открытие с флагом.

В театре Зимина: утром "Синяя птица", вечером "На дне"; утром Пушкин, вечером "Хозяин гостиницы". "Вишневый сад" (?Ничего не будет слышно?).

Это, впрочем, к примеру. Луиза — Бакланова.

4. Знамя опять откладывается, а сезон открывается по шаблону пос-

Среди писем, которые при поддержке Российского Гуманитарного научного фонда готовятся к изданию в новом трехтомнике эпистолярный Вл.И.Немировича-Данченко будут помечены звездочкой (как первая полная публикация), летние письма 1917 года. Они занимают особое место.

Адресованные актеру и режиссеру МХТ Василию Васильевичу Лужскому, который по должности делил с Владимиром Ивановичем груз внутритеатральных, производственных хлопот, эти письма впрямую связаны с множеством деловых соображений по репертуару предстоявшего сезона (в частности, с тревогами насчет выпуска "Села Степанчикова").

"Добраться от К.С., что же он — хочет и будет играть или не хочет и потому, конечно, не будет. Нельзя его заставить... К.С. так неясно ставит свою позицию, что не разберу, как он мыслит свое режиссерское участие. Вероятнее, однако, что он считает свою режиссерскую миссию в "Селе Степанчикове" конченной. Если его звать на репетиции, он обидится как актер, если не звать — как режиссер. Но так как впереди всего у него будет вопрос, что нужнее для дела, то я думаю — его придется позвать только, когда Массалитинов будет уже готов, то есть на генеральные...". Но при всей терпеливой готовности погрузиться во внутренние дела и тревоги Театра, который должен начать свой двадцатый сезон, Немирович-Данченко чувствует необходимость осмыслить этот юбилейный сезон в контексте исторических реальностей и делает попытки прогнозирования.

Рядом с письмами стоило бы опубликовать и летний ялтинский дневник Немировича-Данченко: поразительный конспект наблюдений; исторические катаклизмы, их предвестия, первые толчки отзываются в еще нерушимом быте курорта.

Как видится перспектива семнадцатого года одному из самых вдумчивых, трезвых и глубоких людей русского искусства? О чем он думает летом — "до катастрофы", как он сам потом пометит свои листки.

Это, наверное, требует особого мужества: признать, что будущее непредугадываемо, что надо быть готовым ко всему. Как бы ни повернулось — сохранять достоинство в любой ситуации.

ледних двух лет. Для новых беженцев (даже писать противно) из Житомира, Каменец-Подольска, Киева... На манер шакалов.

Когда открывать? Чем? Не знаю. Все равно.

Скука, равнодушие, горечь во рту...

Вы помните сказку о Бурбидановом осле? Он все не мог решить, с какой вязанки сена начать есть, с правой или с левой. Колебался, пока не умер с голоду.

Письмо (его архивный номер в Музее МХАта — 1062) не закончено и не подписано. Там же — еще листки, вариант тех же размышлений с пометкой сверху: "Письмо до ухода Львова из правительства и до 3-5 июля и до катастрофы". До какой катастрофы — не поясняет. Может быть, до "катастрофы на Юго-Западном фронте" (о ней в дневниковой записи от 6 июля 1917). Может быть, до октябрьского переворота.

Говорят, управлять значит предвидеть. Вот тут и предвидеть, чтобы управлять только одним небольшим учреждением! Со всем тем, что творится на свете!

Война, неразрешившаяся революция, продовольственная разруха.

Можно что-нибудь предвидеть в войне? Ясно только одно, что немцы не победят. Но что это значит? Будут ли они раздавлены, чего собственно хотят Англия и Франция, сколько они ни соглашаются на пересмотр союзных договоров? Или Германия будет только прижата к стене и хорошо сохранится? И когда случится то или другое? И через какие полосы пройдет война, пока это случится? С одной стороны, богатства Америки, Англии и Франции, а с другой — устойчивость германцев, их колоссальный шпионаж и простодушие великой Федо-

ры — России. С одной стороны, огромные средства снабжения, преимущественное количество людского материала, новые типы подводных лодок и аэропланов, а с другой — роковая необходимость защищаться до последней крайности всеми правдами и неправдами, — и в помощь Германии — большевистская революция в России и Интернационал в Стокгольме. С одной стороны, Англия и Америка делают приготовления для продолжения войны еще минимум на 14 месяцев, а с другой — Керенский и идеалисты из Совета рабочих и солдатских депутатов призывают войска к "последнему" напряжению. Кто лучше предвидит: Керенский или Миллюков? Америка, Англия, Франция будут продолжать войну и без России, но если Федора отделится, то превратится в нищую Персию. Если она желает получать и миллиарды займы, и паровозы, и подвижной состав, и даже хлеб американский, то пусть наладит свою политику так, чтоб революция не мешала воевать.

А политика никак не налаживается. Только что было образовалась хорошая революционная власть в лице эсеров, меньшевиков и социалистов министров Керенского, Церетели, Скобелева. Эта середина затянула к себе правое крыло кадетов и слева части Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Образовалась сильная коалиция со всеми крупными партиями. Социалисты поняли, что без буржуазии хотя бы левой им идти нелегко и что большевики мешают революции. И вдруг: почему кадеты уходят из правительства? Вот самое важное явление последнего времени. Кадеты шли на всевозможные компромиссы. Они соглашались то на то, то на другое законодательство, противоречивое их программе. Но Финляндия дала подножку, Украина вто-

рую, и кадеты, представители буржуазии, откалываются. Отчего это? Не хватило терпения? Умывают руки, не желая принять на себя ответственность? Интеллигентское охранение своего достоинства, своих убеждений? Не думаю. Миллюков слишком реальный политик, чтобы так сдаться. Реальный политик уходит, не дожидаясь, когда "его уйдут", а когда он еще нужен. Реальный политик всегда учитывает свои силы и уходит, оставляя молчаливый, но ясный след угрозы. И вот мне кажется, что начавшийся уход из правительства кадетов (присоедините к четырем министрам еще Маклакова, сложившего с себя председательство Юридического совещания) есть первый, настоящий, деловой, фактический шаг к будущему "кризису революции". Они ушли свои силы и решили, что они гораздо сильнее, чем это кажется даже тем левым, кто считает необходимым идти с ними. Нужды нет, что они повсеместно на городских выборах, за исключением какого-то неведомого города Пронска, провалились. Даже именно поэтому кадеты сочли нужным еще крепче сплотиться и заявить о себе, чтобы не дать политике государства совершенно полеветь. Компромиссы становятся уже вредными, пора определить силу буржуазии, — вот как я мыслю уход кадетов. А сила ее, вопреки провалам на выборах, выросла. На ее стороне, во-первых, Англия, Франция и даже Америка, потому что военные интересы Англии, Франции, и даже отчасти Америки совпадают с военными интересами русской буржуазии. На ее стороне, во-вторых, все расширяющиеся слои так называемого "общества", которое искренне готово на сильные полевые, на которое начинает раздражаться отсутствием власти, в смысле послушания ей, непрекращающимися выступлениями отдельных

Экран и сцена —

воинских частей, то на фронте, то в тылу, забастовками даже таких важных областей, как железнодорожная и почтово-телеграфная, оскорблениями такого министра, как Керенский или даже Мануйлов, все усиливающейся разрухой, анархией, хулиганством. Это недовольство, жажда порядка заставляет буржуазию сплачиваться и праветь. И наконец в высшей степени реальный учет сил — казачество. Неожиданное для большой публики выступление верного и преданного порядку казачества. Сила громадная, и выпустить ее из своих рук было бы кончиною буржуазии.

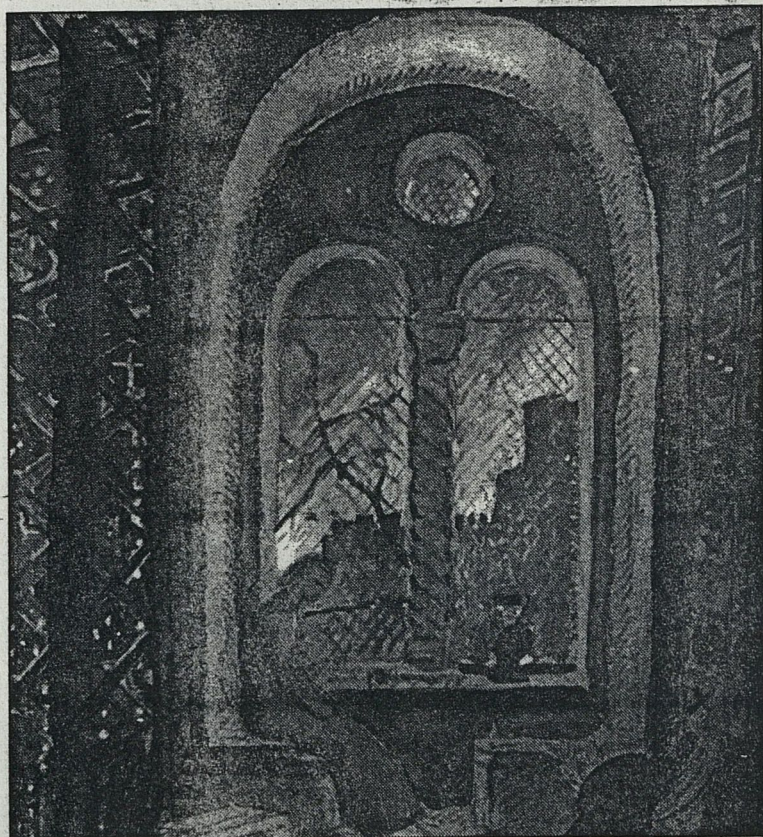
На крайне левом фланге все это отлично учли, в первый же день казаческого съезда. Там давно поняли, еще 10 июня, что контрреволюция это не [великий князь] Николай Николаевич, не Гучков, а Милюков и кадеты. Контрреволюция не возвращение к монархии, никто о ней не думает, никому она не нужна; не борьба царизма с республикой, а борьба буржуазной республики с пролетарской. Вот эта-то борьба только-только начинает обрисовываться. Как она развернется? Что это такое будет Учредительное собрание? Сколько времени оно продлится? Месяц, полгода или пять лет, как во Франции? Через что еще предстоит пройти до Учредительного собрания, пока оно не несколько раз будет откладываться, и когда соотношение сил буржуазии и социализма станет выясняться? Какую роль сыграет крестьянство? Как же поведет себя Керенский? Как столкнется его чудесный, патетический идеализм со стремлением к реалистическому осуществлению революции, осуще-

нам ярче, определеннее, прямодушнее. Я начинаю думать, что для них искусство больше, чем для буржуазии, для которой искусство уже простая привычка. Если это так, если я не ошибаюсь, то мои личные симпатии не идут вразрез с направлением, которое должно взять искусство нашего театра. И тогда я верю, что главнейшие принципы нового курса для искусства, о которых я два года так упорно говорю, не разобчат меня с той политической платформой, куда клонятся мои личные влечения. А ведь это очень важно для работы в искусстве в то время, когда политика захватывает нас как граждан. Очень важно не чувствовать разобщенности и, во всяком случае, личного раздвоения.

И вот я подхожу к первому выводу относительно Художественного театра и еще предстоящей работы. Как и два года назад, репертуар определяется в таком порядке: 1) Чехов; 2) пьесы чистой красоты, ярко отмеченные высшей духовностью, — "Роза и Крест", "Король темного чертога"; 3) русское, реальное искусство — пусть "Село Степанчиково".

К первому нам на помощь приходит "Чайка", в третьем пьеса Толстого."

Никаких разочарований или колебаний этот репертуар во мне не возбуждает. Путь был намечен правильно и по нему надо идти.

ствлению мирному и красивому? Найдутся ли еще среди меньшевиков люди таких талантов, как Церетели, Скобелев, или пойдут теперь уже второго сорта, вроде хлыщеватого и малотактичного Чернова или глубокопорядочного, но недотепы Пошехонова?

Должен признаться, что все мои симпатии на стороне эсеров, на стороне Керенского, Церетели и Скобелева, на стороне их умения проводить в жизнь идеализм революции, не митинговой горячностью, а тем высшим Разумом, в котором соединяются пафос и мудрость, на стороне их государственной программы. Но к моим симпатиям тянутся еще желания, чтобы были найдены возможности соглашения между этими лицам и лучшими, талантливейшими, мудрейшими из тех, кто правее. И хотя верхние слои буржуазии думают, что они лучше всех понимают и ценят искусство, но я в этом сомневаюсь. Это еще надо доказать. Конечно, буржуазия изощреннее, но за последнее время мы наглядно убедились, что всплывшие вверх революционные элементы относятся к

"Король темного чертога" — пьеса бенгальского поэта Рабиндраната Тагора, которую ставили Н.С.Бутова и Л.М.Леонидов; спектакль был завершен уже вне стен МХТ М.Н.Германовой, игравшей в этой драме-поэме главную женскую роль. Новую постановку "Чайки" с юной Аллой Тарасовой — Ниной и с Михаилом Чеховым — Треплевым готовил К.С.Станиславский. Пьеса Толстого — "И свет во тьме светит", право на ее постановку МХТ приобрел после кончины Льва Николаевича; работа над ней (как и работа над "Розой и Крестом" Блока и над "Чайкой") после "катастрофы" уже не была доведена до премьеры.

Публикация и комментарии
Инны СОЛОВЬЕВОЙ

● Мстислав Добужинский
Эскизы декораций к пьесе
А.Блока "Роза и Крест"